

19.12.95

Моск. правда - 1995 - 1996 - с. 9.

«Скажите, что за мной можно ухаживать»

С певицей Геленой ВЕЛИКАНОВОЙ беседует поэт Владимир ПРИХОДЬКО

Геля, дорогая, несколько лет мы не виделись. А тут меня пригласили выступить в центре социального обеспечения «Южно-портовый». Зоя Котова, директор, милая хлопотунья, провела по своим апартаментам. Вижу, на стене афиша с автографом. Оказалось, недавно вы пели для дорогой сердцу публики, о которой сказал бы есенинскими словами: «Перед этим сонмом уходящих я не в силах скрыть своей тоски». Вы поете и в престижных залах. С успехом, с аншлагом. Поклонники, поклонницы...

- Сейчас уже больше поклонниц, Володечка. Но я не жалею. Принимают хорошо или очень хорошо.

- Еще бы! В биографической мозаике поколения, а поколение это четверть века, Великанова, народная артистка, - живой трещащий цветочек. Ампула, образ, непривычку к слову «имидж», - подоблачная леди куплетов с высоким чистым голосом. Никакого заискивания, подмигивания публике. Или, извините, вихляния задом. Хотя песня может быть шуточная. И с пританцовкой - танго, вальсок. А все равно достоинство, дистанция. Заледенелый клен. Свеча, горящая в морозном панцире. Это характер и воспитание. Откуда то и другое?

- Как вам сказать... Мне претит, когда кичится происхождением. Мои родители - выходцы из Польши. Мама научила всему: сидеть не горбясь, не жестиковать, не кривляться. Вести себя просто. Отец из крестьянской семьи, полулитовец: Великанис. Была у них горячая любовь. Мама разорвала с близкими. В эпоху всеобщей бури оказались в Москве. Я родилась уже здесь позже. Крестили в польской церкви в Милютинском переулке. Я там пела

четыре года! Но вскоре утратила польскость, обрусела.

- Это путь Ходасевича, великого поэта серебряного века. «Я родился в Москве, я дыма над польской кровлей не видал». Даже церковь та же. А потом юность и - «Мама, все я забыл!» Одна страсть - Россия. Где родился, там и пригодился. Акцент может быть частью образа. Помните, у Жаклин Сюзан в «Долине кукол»: «Этот английский акцент, который делает его привлекательным». Если Пьеха, давняя петербурженка, споет без акцента, это будет не она.

- Я в Польше в поздние годы была не раз, пела по-польски. Приходили за кулисы, просила: «Говорите помедленней». Кое-что понимала. Приезжала домой и снова ничего не помнила. Сегодня я человек, для которого Россия - самодостаточный мир. Я русская, я люблю здесь все и всех. Кроме антисемитов!

- Но в детстве было не все так просто, как у Ходасевича?

- Не все. Время было такое, что всякая особичка могла стать роковой. Прихожане в Милютинском меня знали. Когда шла по улице, нищие и верующие кричали: «Вон идет Хэля!» Я боялась, что меня исключат из школы. Сказала, что я не Хэля, а Галя. Мама сестра, кончая техникум, написала отчество «Михайловна» вместо «Марцелиевна».

Я окончила 281-ю школу в Уланском. Наши мальчики в большинстве погибли, девочки живы. Таких патриотов, как мы, нынче не найдешь. Мы долго не понимали советского уродства. Глаза открывались понемногу, с конца сороковых годов.

- Тоски по рухнувшему режиму у вас нет?

- Нет. По молодости, другое дело. По подробностям быта.

- Песни, что вы поете, тоже дорогие подробности. Как газовые фонари в Сивцевом Вражке. Как звон «аннушки», бегущей по Кремлевской набережной. Как памятник Пушкину на гребне Тверского бульвара. Мода переменчива. Приливы, отливы. Опасает, как крем. Вдруг старое возрождается. Не полностью, не калькой - намеком: изгибом юбки, формой каблука, оборкой, бантом. Ретро - это взгляд в прошлое. Как по-джентльменски корректно поет Кобзон старые танго. Ни тебе цыганщины, ни пьяни, ни сладости. Раньше пели по-другому.

- Это как бы отдаленное эхо. Кобзон эти песни раньше не пел. И голосов таких не было! Я возвращаюсь в молодость по-своему. С тайной грустью, со вспышками страсти. Плач, смех. Молодость обволакивает меня, я то поддаюсь, то вырываюсь, как будто просыпаюсь от сна. Я была тоненькая, с осиной талией. Нрави-

лась. Дурочка... Сегодня выхожу умудренная разнообразным опытом. Нежность к старым песням у меня прежняя. Эти песни оживляет их доброта. Например, опять пою «Ландыши».

- Мои отношения с легким жанром складывались нелего. В детстве волей случая мне попала в руки коллекция отличных пластинок. Шаляпин, Карузо, Джильи, Тито Руффа. А за тонкой стеной скандальная тетя Дуся гоняла по кругу Петра Лещенко, Шульженко. Неприязнь к соседке сливалась с неприязнью к «мещанскому» репертуару. Потом я подпал под обаяние Вертинского, на концерте которого был. А еще позже замурлыкал под сурдинку тетидусино «Скажите почему». У «Ландышей» тоже есть история. В 59-м Смеляков написал стихи «Устав от тряски перепутий...» Едет он, поэт-трибун, по Ангаре (видно, с великой стройки), а радист на пароходике крутит одно и то же: «Ландыши». И пассажиры, недоумевает Смеляков, охотно слушают. Девчонки в наивной простоте записывают пошлые патефонные слова...

- Все не пошлые. И музыка не пошлая.

- Так по Смелякову. Его раздражает песня. Особенно утром (тут он, кажется, проговаривается), когда в буфете «закрыто ставнейю окно».

- И ему нечем опохмелиться.

Надуманная игра в гражданственность. Посмотрите, вот фотография: это Смеляков, это я. Он млеет, стоя рядом. И я нежна к нему, к его таланту.

- Я люблю Смелякова. Знаю и его драматические слабости. В юности он воевал с классово-чуждым Вертинским, а из самого перли блатные ритмы «Мурки». Дожили он до нынешних дней, вполне мог бы промурчать «Ландыши» с умилением. Как свое далекое-близкое. Я недавно слышал их по-немецки.

- «Карлмаркштадт, Карлмаркштадт, та-та-та-та роте блюме...», ностальгия по несуществующей стране ГДР.

- Это и есть соцарт. Но то, что в прошлом не имело массового успеха, возродиться не может. С советских лет осталось впечатление, что на эстраде царят два го-

лоса: баритон и сопрано. Рабочий и колхозница, серп и молот. Эстрадные тенора начались с Градского. А сопрано, вы заметили, вышло из моды.

- Певицы, у которых высокий голос, совершают над собой насилие. В красивый тембр, в благородный звук подбавляют хрипотцы. Такая манера как бы подворотного пения. Чтоб понравиться определенному слою.

- Это влияние Высоцкого?

- В какой-то мере. Алла Пугачева, моя любимица и законодательница моды, тоже поет низким голосом.

- Метаморфоза произошла и с Гурченко, напевшей свой давний репертуар.

- Голос меняется. Он не звучит, как в юности.

- А у вас?

- Тоже пою не так, как прежде. Сейчас я ограничена в диапазоне. Мой слушатель знает это, уже привык. Но я не понижала голос в угоду моде. Двадцать лет назад... целая трагическая новелла. Приехала на гастроли. Рига, Даугавпилс. Зал на полторы тысячи мест. Простудилась; безголосая; надо отменить концерт. Мне говорят: у нас есть ларинголог-полковник. Он вас вылечит. Приходит военный: «Не волнуйтесь». Сделал перед выходом какое-то вливание, и я спела лучше, чем обычно. Утром просыпаюсь: голоса нет. Я в панике. Опять

он: «Я приду». И так четыре раза. Даже ездил со мной в Ригу. Все в порядке. Возвращаюсь в Москву, голоса нет. Тут уж иду к фониатру, своему другу. Открываю рот, показываю, что нет звука. «Тебе делали мощную наркотическую блокаду». Я все отрицаю, я ничего не ощущала. «За то, что не стала наркоманкой, поблагодари свой крепкий организм». Семь месяцев лечусь от нервного стресса. Уколами снотворного. Голос вернулся, но... другой. Через три года я снова в Риге. Тот же администратор. «Как тебе нравится наш полковник?» - «Со всем не нравится». - «А знаешь, что с ним случилось?» - «Нет». Оказывается, поехал отдыхать в лес. С женой и двумя дочками: 8 и 16 лет. Поставил палатку, почистил ружье, выстрелил в одну девочку, в другую, в жену, себе в рот. Старшая девочка выжила. Тут все всплеснули руками: как же мы не замечали, что у него давно поехала крыша? Хорошо, что это задело меня только боком: он на мне ставил безжалостный опыт и, думаю, знал, что погубит мой голос.

- Не ожидал, что в разговор ворвется криминальный мотив. Армию любите по-прежнему?

- Безумцы бывают везде. К армии постоянно теплое чувство, там мои самые пылки слушатели. Недавно пела в Сочи, в санатории подводников. Директор клуба знает меня издавна. Приходит за кулисы с группой пригожих моряков. Мнутса, как школьники. Говорит: «У них к вам один вопрос». Я отвечаю: «Знаю, как-кой. Сколько мне лет». «Да, Гелечка». «Скажите, что за мной можно ухаживать». И они были счастливы: я не ответила и вроде бы ответила. Армии я обязана первыми поездками за границу - прорвалась по линии ЦДСА.

- Вас не выпускали за границу?

- Очень много лет! Я была в Москонцерте совсем не последней, а ездили другие артистки.

- Почему? Ублажали начальство?

- Так сказать я не имею права, не знаю. Крупный чиновник из министерства предлагает поездку в Америку и в нагрузку свою

любовь. Я его отвергаю. Елет другая. Я никого не осуждаю. Ведь мой избранник ничтожество по сравнению с тем начальником. Но это лорыв... Добродетель часто приходит, когда ты никому не нужна, а раньше жизнь предлагала соблазн за соблазном.

- Вспоминаю, как Тараховская высмеяла пожилого жениха: «Крашенные усики, лысина, берет. Прикрывают трусики то, чего уж нет». Когда, по-вашему, кончается возраст любви?

- Никогда! По Пушкину. Мужчина, пусть хоть восьмидесятилетний, способен областать, утешить, сделать тебя счастливой. Мой главный роман протянулся через всю жизнь. Он прерывался, когда я выходила замуж, снова возобновлялся... Это чувство может умереть только со мной. Всегда радуюсь, когда вижу дружные пары. Такие, как наши с вами общие друзья Алла и Борис Шапиро.

- Мне тоже приятно их вспомнить. В 70-е Шапиро написал на мои стихи семь или восемь песен. «Любяную колыбель» пел Лев Лещенко, вы - «Под солнцем пляшет девочка», еще что-то. Однаж-

ды, когда я на публике переврал мотивчик, кроткий Борис сказал тихо: «Володя, не пой моих песен. Лучше танцуй». Он был вместилищем мелодий. В приеме в Союз композиторов ему отказали, и он исчез. Хотел писать не под фамилией любимой жены-тулячки, а под своей.

- Борис работает в Нью-Йоркском балетцентре, создал музыку к двум голливудским фильмам. Вечером играет в популярном русском ресторане. Он аккомпанировал мне в американских гастролях. И я не ощущала, что пою без оркестра, рояль был всем, сколько было в музыке нутра, крови, сердца, любви к России:

- Мир един, тесен, но некоторые потери очень ощутимы. В канун нового года что пожелаете нашим дальним и близким?

- Некоторые живут одними воспоминаниями. Не лучше ли жить сегодняшним днем? Пока мы ругаем нашу сложную жизнь, она безвозвратно проходит. Пожелаю всем, особенно сверстникам, здоровья и сил. Остальное, Бог даст, приложится.

